

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛА «СОВЕТСКОГО ТЕКСТА» В РЕЧЕВОЙ СРЕДЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

И.В. Тубалова

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Когнитивные модели текстопорождения в коммуникативном существовании языковой личности»;
государственный контракт № 14.740.11.0567 от 05.10.2010 г.).*

Аннотация. Рассматривается, каким образом и с какой целью трансформируется смысл «советского текста» (формирование которого обусловлено институциональными дискурсами советского периода жизни нашего общества – политического и официально-делового) в рассказах-воспоминаниях представителей старшего поколения постсоветской деревни.

Ключевые слова: советский текст; официально-деловой дискурс; политический дискурс; рассказ-воспоминание.

Под «советским текстом» в данном случае подразумевается особый тип текста, формирование которого обусловлено институциональными дискурсами советского периода жизни нашего общества. Это, в первую очередь, политической дискурс – идеологически ориентированный, оценочный по природе, «эксплицитно прагматичный» [1. С. 57]. Во-вторых, это официально-деловой (бюрократический) дискурс – аксиологически нейтральный, стандартизованный, в том числе и в текстовых проявлениях.

Тезис о глубинном характере влияния культуры, в рамках которой существует человек, на его язык обсуждается в лингвистике уже более ста лет. Советская культура в ряду других занимает особое место. С одной стороны, рожденная в России, она является частью русской национальной культуры, и трудно представить себе русского человека, личностное формирование которого пришлось на период существования данной культуры, абсолютно независимого от нее. При этом ряд исследователей утверждают, что именно советская культура с ее установкой на коллективизм, стала органичной формой развития общинного мироощущения значительной части населения России (см., например, [2]). С этим, вероятно, связан один из аспектов ностальгической ориентации современного общества, восприятие советского времени как периода национальной гармонии и единства.

С другой стороны, внедрение советской культуры в русское общество, являясь частью государственной политики, осуществлялось «извне», противоестественно ускоренными темпами. Ее содержание всегда осмыслялось в связи с социальными институтами, а именно с институтом политики (идеологии), с институтом власти. На бытовом уровне советское как

институционально обусловленная часть культуры всегда демонстрировало некоторую дистанцированность по отношению, например, к русской деревенской культуре. Так, вечерки, народный хоровод, с одной стороны, и Первомайская демонстрация – с другой, несмотря на ряд психологически сходных моментов, всегда осмыслились в разных категориях. Многие исследователи советской культуры развивают мысль Н.А. Бердяева о различии между «коммунальностью» (в основе которой – внешнее принуждение) и «соборностью» (исходящей из внутренних побуждений) (см., например, [2–5]).

Все вышесказанное мотивирует, с одной стороны, наличие множества фактов включения советского текста в речевую среду повседневности, а с другой – их четкую выделенность, сохранение границ, отделяющих их от бытового текста, проникновение в речевые (чаще – тематически ограниченные) сферы, не требующие их употребления.

Одним из типов повседневных текстов, в рамках которых в настоящее – постсоветское – время сохраняются факты последовательного использования советского текста, являются воспоминания представителей старшего поколения о прошлой жизни. Факты советского текста обладают по отношению к ним, во-первых, темпоральной (советское прошлое / постсоветское настоящее), во-вторых, дискурсивной (институциональный / повседневный дискурсы) дистанцированностью.

Рассмотрим, каким образом ведут себя заложенные в советских институциональных дискурсах смыслы, попадая в речевую среду постсоветской повседневности, проявленную в виде текстов-воспоминаний.

В качестве материала для данного исследования были проанализированы тексты рассказов жителей российской деревни о своем прошлом (речевой жанр – воспоминание), зафиксированные филологами-собираателями в последние 20 лет. Это записи текстов среднеобского говора (СГ), выполненные в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы его бытования, в том числе изданные в виде сборников текстов [6, 7], записи текстов амурского говора (АГ), опубликованные в фольклорно-диалектологическом альманахе [8, 9], тексты, вошедшие в сборник материалов экспедиций сотрудников Института русского языка [5] (РД), а также тексты диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) (РНК).

Рассматриваемый тип текстов обладает спецификой когнитивных установок говорящих, связанной, во-первых, с их принадлежностью к определенному типу культуры, а во-вторых – с ситуацией производства и условиями фиксации текста.

В качестве информантов выступают представители старшего поколения носителей русской крестьянской культуры. Период их личностного формирования пришелся на 20-е – 30-е гг. XX в. – время активного распространения советской культуры с ее коммунистической идеологией, установками на пропаганду колхозного движения, ликвидацию безгра-

мотности и т.д. Это поколение пережило Великую Отечественную войну. Все эти особенности социальной жизни информантов оказывают влияние на их языковое сознание, на протекание процессов текстопорождения.

Кроме того, указанная специфика определяется ситуативными условиями, связанными с особенностями фиксации текстовых материалов: все записи сделаны в условиях общения с собирателями диалектного текста, соответственно, все тексты представляют собой нарративы, порожденные в рамках общения с представителями иного поколения и иной культурной среды, что предполагает ориентацию на информативность – говорящие в определенном смысле становятся «трансляторами истории», отраженной в личностно-бытовом восприятии. Среди когнитивных установок, действующих в процессе порождения зафиксированных текстов, значимой для нас также является их информативно-дидактическая ориентированность (передать молодому поколению знание о прошлой жизни).

Указанные когнитивные установки определяют органичность присутствия речевых моделей «советского текста» в исследуемом материале.

Текстовые модели «советских» институциональных дискурсов проникают в речевую среду современного повседневного дискурса на правах носителей определенных смыслов – как напрямую «унаследованных» из дискурса-источника, так и подвергнутых определенной трансформации.

Внутренняя организация «советского текста» соответствует принципам советской риторики, которая обнаруживала «первичность» документа как вида словесности» [10. С. 17] и «вполне соответствовала характеру и функциям советской культуры», осмыслявшей «как созидание нового, как начало нового мироустройства» [Там же]. На речевые факты, обусловленные действием данной тенденции, указывает и О.П. Сологуб [11. С. 217].

Проникновение в бытовую словесную культуру (в том числе диалектную) речевых стереотипов советского политического и официально-делового дискурса следует рассматривать как единый процесс, в рамках которого находят свое качественное пересечение ряд институциональных установок: установка на распространение коммунистической идеологии – ведущая, определяющая по отношению к остальным, а также установки на ликвидацию безграмотности и на демократизацию документа.

Дидактическая направленность рассматриваемых диалектных текстов, их ориентированность на трансляцию знания представителю другого поколения и иной социокультурной среды определяют тематические приоритеты исследуемых нарративов, которые формируются вокруг определенного круга тем: история создания колхозов, революционная и военная история страны и ее влияние на жизнь деревни, история личной жизни информанта и его семьи, религия и под. «Советский текст» проникает практически во все названные тематические зоны, вплоть до максимально отдаленных от институционально обусловленной тематики: *Ревята были. Советуют, чтоб царя-то сместить. Сместили царя. В пи-*

сании говорилось: если царя **сымут**, то жизнь плохая будет (СГ). Восприятие царя (=наследственного титула монарха) как должности (=служебного положения) демонстрирует отсылку к советскому бюрократическому протодискурсу как исконной для деловых отношений среде.

Советский текст в виде моделей **бюрократического дискурса** активно включается в речевую ткань повседневности в рамках воспоминаний диалектоносителей о фактах обращения в советские официальные инстанции, прохождения различных бюрократических процедур. В наибольшей степени включение советского текста в этом случае направлено на решение собственно информативных задач. Тематически привлечение моделей бюрократического дискурса при передаче соответствующей информации обладает выраженной внешней мотивацией. Но их употребление во многих случаях сопровождается различного рода нарушениями собственно грамматической нормы, а также лексической и грамматической сочетаемости, что свидетельствует об их инодискурсивности, некоторой нарочитости их привлечения. Представляется, что в условиях общения с представителем инокультурной среды (в большинстве – с собирателями как представителями иного поколения) информанты обращаются к советскому «бюрократическому» тексту, решая задачу «говорить о предмете речи правильно». Таким образом, советский «бюрократический» текст проникает в дидактически ориентированный повседневный дискурс в качестве маркера «легитимности», формируя в тексте рассказа-воспоминания особый модус убедительности, достоверности повествования: *Ну вот меня и взяла. Съездили мы с ей в группком – договора заключели раньше, что, мол, вот указывают в договоре, скоко ей часов вот работать, и какоо дело, и зарплата какая. Приехали туда, эта, которая группком вот это заведует, говорит: «Ой, не знаю, как она у тебя.../.../» (РД) // Я в сельсовет – вот такое дело. И ён скорей то на эту, в колхоз там на эту, на территорию, конев хватали и поехали. Мене посадили и я поехала (РНК).*

Но «легитимность» советского «бюрократического» текста распространяется в исследуемом материале и на предметы речи, не связанные напрямую с дискурсом официально-деловой среды. В этом случае приходит в действие фактор доверия информанта «голосу документа», в результате чего модели «советского бюрократического текста» используются при трансляции знания представителю иной культуры в речевых произведениях, где ни условия контекста, ни денотативная текстовая принадлежность не предполагают такой необходимости: *Смёртность большая была, не лечили. Не как сейчас (СГ) // ...А счас в нашей деревне молодежи маленькая количества (СГ) // Ну вот, много молодежи. Подряд всех брали, а потом угоняли в Германию. И меня назначили, но я ушла, схоронилась и не поехала. А много... А теперь кто был в Германии, вон прислали, они получают пенсию больше. Все ушли. Мы окопы копали, блиндажи копали безунимно (РНК) // Везде ровно жили. Начнут зачитывать – в год мешок тебе достанется. Крапива – самая хорошая питания (СГ).*

Совершенно особым образом проявляет себя советский «бюрократический» текст в автобиографических рассказах диалектоносителей – текстах-воспоминаниях, «содержащих описание личной жизни информанта с рождения до момента общения» [12. С. 11]. Отвечая на вопрос собирателя о прожитой жизни, абсолютно не ориентирующий на актуализацию ее социально значимой стороны, информанты создают текст, обладающий выраженным сходством с текстами автобиографии как жанра официально-делового дискурса: *Работала в сельпо. Ну, комсомолка, конечно, была, с тридцать пятого года. Направили в органы, секретарь-счетовод. Работала до пятидесятого года* (АГ).

В вышеприведенном фрагменте текста бытового дискурса отчетливо проявляются фрагменты, соответствующие официальному жанру «автобиография»: указание временных границ этапов профессиональной деятельности, наименование занимаемой должности (*секретарь-счетовод*), места работы (*сельпо, органы*), политического статуса (*комсомолка*) и т.д. Информант, таким образом, в процессе общения с представителем инокультурной среды (филологом-собираателем) избирает в данном случае в качестве «правильного» способа подачи информации о своей жизни официально-деловую текстовую (жанровую) модель. С другой стороны, нарочитое соотнесение текста о личной жизни с нейтральной внеличностной моделью официального документа позволяет обнаружить стремление к унификации в восприятии личной биографии, что для человека, воспитанного советской культурой, являлось ценностно значимым. Отметим, что использование моделей советского «бюрократического» текста наиболее последовательно проявляется в инициальной части автобиографического рассказа информанта: чем более личностным становится содержание повествования, тем эмоциональнее и разнообразнее формируется текст, тем меньше фиксируется фактов следования модели.

Таким образом, советский «бюрократический» текст реализуется в исследуемом диалектном дискурсе в качестве кода, позволяющего обозначить включенность личности в социокультурный контекст.

Еще одна форма присутствия советского текста в рассказах-воспоминаниях диалектоносителей старшего поколения связана с использованием моделей советского **политического (идеологического) дискурса**.

Характер использования советского политического текста, при значительном сходстве с вышерассмотренным, имеет определенную специфику.

1. Если официально-деловой дискурс так или иначе оказывается задействованным в дискурсивных практиках информантов, то политический дискурс как определенный вид коммуникации в их дискурсивных практиках не проявляется, следовательно, проникновение его элементов в бытовую текстовую среду диалекта осуществляется опосредованно: через особые идеологически нагруженные документальные источники, а также через СМИ, в том числе устные формы их существования (многие исследователи рассматривают дискурс СМИ как одну из форм существования

политического дискурса (см., например, [13, 14]). Информанты в советскую эпоху, с одной стороны, оказались пассивными адресатами мощной официальной политической пропаганды (отсюда обилие фактов проявления моделей политического дискурса в их повседневной текстовой среде). С другой стороны, опосредованный характер восприятия политического прототекста приводит к размыванию его эмоционально-оценочного пафоса, создает условия для переосмысления аксиологических ориентиров.

2. Если официально-деловой дискурс отличается относительной стабильностью языкового осуществления, то политический дискурс обладает выраженной конкретно-исторической обусловленностью, проявляясь в рамках политической эпохи определенной системой политических формул, выражений, лексических единиц. Исследуемый материал предполагает актуализацию моделей, в первую очередь, связанных с эпохой советской политической истории начала – середины XX в. Время фиксации текстов – последние 20 лет – значительно отдаляет проявленное в них политическое пространство от текстовой реальности, что приводит также во многих случаях к снижению уровня эмоционального пафоса вплоть до полной его нейтрализации, к актуализации повествовательно-информативных когнитивных установок.

В текстах-воспоминаниях, представляющих оценочное описание исторически значимых событий, знаки советского текста могут, во-первых, сохранять свойственный соответствующему дискурсу-источнику выраженный эмоционально-оценочный идеологически ориентированный модус, во-вторых, указанный модус может быть для реализации различного рода коммуникативных задач подвергнут определенной трансформации.

Сохранение заложенного советским официальным политическим дискурсом модуса в основном наблюдается в случае совпадения личностной позиции информанта с позицией официальной советской идеологии. При этом советский политический текст может быть использован для трансляции как негативной оценки реальности, моделируемой в рассказах-воспоминаниях (*Колхозы возродились, а были **диверсанты**. Это сыновья кулаков и богатеи на вредительство перешли, жгли скирды, хлеба* (АГ) // ...*Приехали врачи и объявили прививку/ скажем/ делать /.../ вот укол делают в шею [показывает на себе] / вот через месяц животное погибает // вот это было **вредительство** // вот сама правительства сочинила это/ заставила это делать* // (РНК)), так и для ее положительной оценки (*Ну, конечно, следила за всем, чтоб вывезти свеклу всё. И мы дали триста двадцать центнеров с гектара. А у нас был председатель, председателю тогда дали «За доблестный труд» медаль, а мне дали орден «Знак Почета», очень высокий, очень высокая награда. Тогда все говорили: «Ой, как хорошо, как мы выполнили, как мы государству помогли»* (РНК) // *Я же **труженик военный**, в колхозе всё-о, всю жизнь работала* (АГ) – вероятнее всего, от «труженик тыла» – наименование официальной государственной категории, дающей определенные социально-экономические привилегии).

Вышеприведенные контексты отражают модель восприятия общественно значимых событий периода коллективизации. Их количество в анализируемом материале невелико – в основном позиция информантов с позицией советской идеологии в их трактовке не совпадает.

При этом в текстах-воспоминаниях о событиях периода Великой Отечественной войны фиксируется устойчивое совпадение позиции информантов с позицией официальной советской идеологии, что проявляется в регулярном использовании идеологически нагруженных текстовых моделей: *Ну, и ещё что... Принимали мы **присягу на верность Родине, Советскому Союзу служить**, так, и мы все **клялись**, девушки, вплоть до того, что **погибать, но защищать нашу Родину**, и **клялись мы у развёрнутого Красного Знамени**, так. Ещё что... Я была – это был третий Белорусский фронт, так, которым командовал Черняховский Иван... а отчество забыла (РНК) // Ну и так проучилась я, вот, наверное, с декабря сорокового года и до июня, двадцать второго июня сорок первого года. **Без объявления начала войны Германия. Утром мы просыпаемся все в переполохе: объявили войну**. Ну, как мы понимали тогда «война»? Мы думали, что **наша страна такая сильная и народ такой сильный**, организованный. Ну что, нас оповещали по радио и дирекция – все говорили, что **врах будет изгнан из страны, врах будет разбит**. Настроение поддерживали, хотя все были очень настроены, ну, ужасно было страшно, что это такое. Но верили в то, что **врах будет разбит** (РНК).*

О.П. Сологуб отмечает, что «в документах периода Великой Отечественной войны наблюдается возвращение патетики, патриотического пафоса, выражаемых нередко посредством агитационно-пропагандистских штампов» [11. С. 218]. Указанные модусные смыслы пронизывают все советские идеологические тексты этого исторического периода и переносятся в бытовой текст, в жанрово-тематическом отношении представляющий собой воспоминания о войне. Как пишет А.А. Ворожбитова, «война стала таким испытанием для этноса, которое не могло не обусловить специфику глобального дискурсивно-текстообразующего процесса совокупной языковой личности этносоциума, не найти отражение в характере индивидуальной мыслеречевой деятельности» [15. С. 21].

Кроме того, отношение к событиям Великой Отечественной войны как к героико-мифологическому сюжету активно культивировалось на протяжении всего послевоенного периода, вплоть до периода фиксации исследуемого материала; идеологическую ориентацию получали тексты художественно-поэтического дискурса (фольклор, авторское песенное творчество, художественная литература, кинематограф), транслируемые через СМИ воспоминания о войне подвергались все большей обработке в плане развития оценочного пафоса и унификации моделей описания. При этом если внутреннее отношение представителей бытовой культуры к революции и колхозному движению было неоднозначным, то отношение к военным событиям полностью совпадало с официальной их трактовкой.

Это привело к «растворению» советского политического текста в художественно-поэтической текстовой среде, к активному использованию в целях поэтизации повествования моделей пафосного представления героических событий этого периода, обеспечиваемых «двойным» источником: политический и художественно-поэтический дискурс: *Мне вынесли благодарность за бдительную... [Присутствующая при разговоре женщины]: Службу... Службу и вахту на посту, вот. Када закончилась война, мы в то время жили, значить, продолжали жить в землянках, когда нам объявили, закончилась война. Мы соскочили со своих нар, мы обнимались, мы целовались, мы радовались со слезами, значит, на глазах. Так... И когда это всё такое произошло, нам в знак такого торжества, мужчинам дали по сто грамм водки и пачку на двоих махорки, мужчинам. А нам, девушкам, дали по триста грамм конфетки «Голышики», и мы были очень рады (РНК) // ...Началась Великая Отечественная война, вероломно напал на нас... ну, Германия и Гитлер. Ну, и мы на этом, значить... наше всё кончилось, и учёба прекратилась наша (РНК).*

В случае совпадения негативной позиции идеологически нагруженные речевые стереотипы использовались при сохранении пейоративной оценочности, отражая создаваемую с рамках советской идеологии оппозиционную социальную модель противостояния «своих» и «чужих». Так, переструктурирование внутреннего содержания категории свойственности / чуждости в идеологических текстах периода Великой Отечественной войны смещает фокус «врага» за пределы социокультурного коллектива, и это влечет за собой приведение ценностной позиции представителей рассматриваемой культуры в соответствие с позицией официальной идеологии: *...когда война началась у нас/ их [немцев] отсюда эвакуировали// интересно/ значит/ они работали до последнего/ понимаете// какой-то один поехал в Аткарск/ и прослышал/ что нас выгоняют/ выселяют/ значит / потому что немец уже к Волгограду подходил/ а от Волгограда НемПоволжье рядом/ понимаете// это было необходимо/ потому что там уже у них организовывались/ это//команды разные// значит// диверсанты (РНК).*

Как было отмечено, модели советского политического текста в бытовых рассказах-воспоминаниях далеко не всегда сохраняют то идеологически обусловленное содержание, которое вкладывалось в них советской политической риторикой. Переосмысление осуществляется в виде утраты идеологически нагруженного смыслового компонента и подмены его семантикой аксиологически и идеологически нейтральной (реже – в виде их аксиологической переориентации).

Нейтрализация эмоционально-оценочного пафоса, заложенного в советской политической среде, фиксируется в исследуемом материале значительно чаще, чем его сохранение (исключение – тексты о Великой Отечественной войне). Это определяется, в основном, расхождением позиции советской официальной власти, зафиксированной в соответствующей

щих текстовых формах, с ценностными установками информантов по отношению к объектам, номинируемым с их помощью.

В рассказах-воспоминаниях о социально (политически) значимых событиях, транслируемых сквозь призму индивидуально-личностного восприятия, модели советского политического текста вводятся как эмоционально нейтральные, их введение в текст имеет информативную природу: *Теперь ладно. Уж как красные подошли, они помогли **взять власть в руки**. Колчака тоже расстреляли (СГ) // При царском правительстве было **неравноправие**. Когда Ленин **возглавил** – **равноправие** стало, землю **делить по ядам**; раньше **по мужским душам** деляли. Сибирь поглуше. Генералы подобрались и **свергли власть**. В Сибири **правитель** Колчак был. Вместо агитации – нагайки, вместо правосудия – расстрел да виселица. Восстали. Приехал из Камышенки товарищ мой, **восстание** случилось. Меня **в комиссары** произвели. Я убежал в горы и скрывался до **октябрьской**. Потом организовались воевать. Мы с простыми руками без оружия. Тут и **Красная армия** подошла, сведения обирают (СГ).*

Вышеприведенный пример иллюстрирует приобретение рассматриваемыми формами советского политического текста роли, аналогичной функции бюрократического текста в автобиографическом рассказе: они также оказываются показателями внутренней организации повествования, фиксаторами личного восприятия информантом «этапов» развития институционально (политически) значимых событий истории деревни и своего личного участия в ней, обнаруживая роль официальной советской трактовки истории в деревенской культурной среде и становясь «легитимной опорой» его описания.

Таким образом, советские институциональные (как бюрократический, так и политический) дискурсы в бытовом диалектном тексте приобретают функцию описательного кода; различие же заключается в том, что если официально-деловой дискурс становится кодом описания жизни отдельной личности в социокультурном контексте, то политический дискурс функционирует как код описания истории советского социума в индивидуально-личностном отражении.

Рассмотрим еще один текстовый фрагмент, отличающийся от предыдущего более выраженной личностно-ориентированной тематикой: *Как **бедняк** сказал, всё. Всё в ясно. Вот он приходит и говорит: «Ники-хор Яковлич с попом, – говорить, – дружить». Ну, приезжают, там какие тряпки, лохмотки утащили. Чугунок на стол и ложку. Да. /.../ Ну и стали жить, стали жить, стали жить. Ну потом начала **кулачества**. Отца **раскулачили, осудили**. С попом дружил. А сейчас сколько их там в Москве, а? И их кормить надо. Кресты вот такие вот до самых колен. А почему же раньше отца осудили за попа? Год дали тюрьмы, **враг народа** был. Это было тут иде-й-то ли в тридцать третьем, втором, вот тут вот иде-й-то. И вот такие-то вот, ребята, было дела. Как начало **кулачество**, в общем, с двадцать пятого началось, ну, в общем, после*

революции, как начали вот это вот громить, как мало-мало чуть-чуть: «Ага, пойдём его заберём» (РНК).

В целом приведенный текст носит выраженный оценочный характер, но позиция его автора по отношению к коллективизации с позицией официальной советской идеологии (как и в большинстве зафиксированных текстов) не совпадает. Советская идеологическая оппозиция «свой / чужой», внедрение которой предполагает раскол цельного деревенского коллектива, не находит внутреннего подтверждения «снизу», но созданные данной идеологией понятия требуют номинации, поэтому рассматриваемые включения употребляются, но в сугубо констатирующей функции. Речевой стереотип *бедняк* имеет в советском политическом дискурсе положительнооценочную коннотацию, но автор рассматриваемого текста имплицитно выражает актуализацию противоположного оценочного полюса в его контекстуальной семантике. Остальные отмеченные в данном речевом произведении политические речевые стереотипы (*кулачество*, *враг народа* – в дискурсе-источнике отрицательнооценочная коннотация, *раскулачить* – в дискурсе-источнике обозначение процесса, приводящего к социальной гармонии) утрачивают аксиологическую ориентированность. Так, при использовании определения *враг народа* в пресуппозиции остается как его содержание, заданное советским политическим дискурсом, так и смена оценочного полюса. Данный речевой стереотип используется для обозначения социально-статусной характеристики человека как «невинно осужденного». Речевой стереотип *кулачество* используется, скорее, для обозначения определенного исторического этапа в его бытовом восприятии (см. выше). В рамках стратегии воспроизведения «правильного» способа говорения о предмете «правильным» для информантов оказывается использование речевых стереотипов советского политического дискурса при совпадении только денотативного, но разрушении их аксиологического содержания.

Темпорально-событийная конкретность политического дискурса определяет возможность использования советского политического текста в качестве «беспристрастного» бытового маркера эпохи, временного периода – вне его связи с политическими (идеологическими) установками государственной власти. Подобным образом указанные модели проявляют себя в текстах-воспоминаниях, тематика которых не связана с политико-идеологическим содержанием. Советский политический текст получает исключительно информативно-бытовое содержание: *Тут и родилась. Только что не совсем здесь, вот, а там деревня была та – Кухтерин, – еще построенная при царизме* (АГ) // *Потом началась кулачества* (РНК) // *В начале советской власти ещё сохранилась эта у их обитель-то. Дом моленный. Ходили они туда* (РНК).

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. «Советский текст», проникая в речевую среду повседневности, сохраняет выраженную институциональную ориентацию, органическую

связь с институциональными протодискурсами советской эпохи, отсюда его устойчивая дистанцированность от речевой среды повседневности. Темпоральная дистанцированность, определяемая установкой на воспроизводство событий прошлого (возможно, не в первый раз и с привлечением многократно услышанных описаний аналогичных событий в доступном медийном пространстве), также является одним из значимых свойств советского текста в речевой постсоветской среде.

2. Советский политический и «бюрократический» тексты имеют единый источник проникновения в бытовую диалектную среду, что определяет значительное сходство в когнитивных установках на их реализацию, в стратегических основах их речевого использования. При этом различие в природе таких типов институциональных сфер, как официально-деловой (идеологически индифферентный, ценностно нейтральный) и политический (идеологически ориентированный, ценностно нагруженный) дискурсы, определяет различия в функционировании соответствующих текстовых форм.

3. Факты советского бюрократического текста в рассказах-воспоминаниях представителей старшего поколения постсоветской деревни демонстрируют ностальгическую ориентацию на модель «правильного», гармоничного существования, закрепленную в советской бюрократической среде. Советский политический текст реализует ностальгический пафос при обращении говорящих к тем событиям, институциональная оценка которых совпадает с их индивидуально-личностными установками (в рассмотренном материале – события Великой Отечественной войны). При несовпадении позиций эмоционально-оценочный пафос советского политического дискурса в момент включения его речевых форм в тексты воспоминаний нейтрализуется.

Литература

1. **Сорокин Ю.А.** Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М., 1997.
2. **Степин В.С.** Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Московско-российский философский клуб. URL: http://philosophicalclub.ru/?an=Styopin_-_Tsennost_prava (дата обращения: 10.01.2011).
3. **Свешников Б.Н.** Духовная культура России: Конспект лекций. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (дата обращения: 10.01.2011).
4. **Бирюков Н.М., Сергеев В.М.** Демократия и соборность: представительная власть в традиционной русской и советской политической культуре // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 53–68. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/17119256.html> (дата обращения: 10.01.2011).
5. **Русская деревня в рассказах ее жителей** / под ред. Л.Л. Касаткина. М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.
6. **Иванцова Е.В.** Живая речь русских старожилов Сибири : сб. текстов. Томск, 2007.
7. **Богословская З.М.** Устная народная речь русских старожилов Сибири : сб. текстов. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007.
8. **Слово**: Фольклорно-диалектологический альманах / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2004. Вып. 3.

9. *Слово*: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2: Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2005.

10. *Романенко А.П.* Советская герменевтика. Саратов: Наука, 2008. 166 с.

11. *Сологуб О.П.* Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 383 с.

12. *Волошина С.В.* Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11–14.

13. *Переверзев Е.В., Кожемякина Е.А.* Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/pereverzev.pdf> (20.10.2009).

14. *Никитина К.В.* Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами : многопредмет. науч. журн. Орел: ОрелГТУ, 2006. № 2. URL: <http://www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/2/Nikitina.doc> (дата обращения: 27.12.2009).

15. *Ворожбитова А.А.* «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21–42.

THE PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE «SOVIET TEXT» MEANING IN THE SPEECH ENVIRONMENT OF THE POST-SOVIET VILLAGE

Tubalova I.V.

Summary. The means and purposes of the meaning transformation of the «Soviet text» are considered, which appeared due to the institutional – political and official – discourses of the Soviet period of the history of our society, in reminiscences of the aged inhabitants of the post-Soviet village.

Key words: Soviet text; official discourse; political discourse; reminiscences.